

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Анархия, панархия и этатизм

Джон Зуб

Джон Зуб
Анархия, панархия и этатизм
29.07.2020

Скопировано 05.01.2025 с <https://vk.com/@-194022101-john-zube-anarchy-panarchy-and-statism>

ru.anarchistlibraries.net

29.07.2020

Оглавление

О панархизме для анархистов	13
------------------------------------	-----------

денцию производить более или менее скрытую скуку с обеих сторон.

Это крошечное «провозглашение независимости» на самом деле также является своего рода незначительным и временным панархистским и нетерриториальным отделением индивида, и *там* оно уважается как таковое, и оно поможет улучшить наши собственные социальные события.

Как только панархия будет реализована, она предоставит анархистам возможность наслаждаться анархическими отношениями между собой, прямо здесь и сейчас, не подвергаясь влиянию этатистов.

Более того, как только анархисты действительно примут панархистскую терпимость, у них будет общая платформа с этатистами и всеми другими группами меньшинств, которые хотят панархистически поддерживать или реализовывать различные идеалы между собой.

Тогда у них будет только один тип общих врагов, а именно территориальные тоталитаристы. Эти враги тогда и скоро станут лишь относительно сильным меньшинством, которое можно победить и заставить стать, если не терпимым, то терпящим меньшинством.

Другими словами, панархия предоставит анархистам возможность сеять свои семена, выращивать растения и собирать их продукты для себя, здесь и сейчас, без помех со стороны других, которые выращивают другие культуры.

Им не нужно будет ждать следующих десятилетий или поколений, чтобы получить шанс реализовать свой идеал.

Единственная уступка, на которую они должны были бы пойти и на которую те, кто формулируют свои принципы, уже пошли, в общих чертах — позволить неанархистам также заниматься своими делами между собой.

этих небольших частных или кооперативных «областей», которые не совсем заслуживают названия «территории», так как они не достаточно обширны для этого, в большинстве случаев. Одни должны быть обезврежены, например, путём ареста, под арестом граждан, а затем привлечены к той системе правосудия, которая существует между ними и хозяевами. Остальные должны быть просто строго проведены к выходу, если они немедленно не извинятся и не будут вести себя должным образом.

Если бы они просто сделали что-то, что не было бы объективно преступлением агрессии, но считалось бы, по крайней мере, в такой частной среде и среди этих людей, серьёзным нарушением нравов, обычаев или традиций, их не наказали бы, а просто показали бы выход и, скорее всего, никогда не пригласили или впустили снова.

Никто не вправе «свободно» наступать на чьи-то пальцы, даже если эти пальцы не отмечены специально: «*Не наступай на меня!*».

Таким образом, в некоторых отношениях, в обычных и цивилизованных социальных отношениях между разными людьми с разными личными предпочтениями, мало что изменится, по крайней мере, в течение значительного времени, и, возможно, не в совсем фундаментальном плане.

Однако, упомянем только одну крошечную социальную новинку из Южной Америки, которая мне нравится:

Там вполне принято уважать и оставлять в покое одного человека, который просто и тихо произносит фразу вроде: «Меня здесь нет». Конфиденциальность, на которую этот человек претендует с этой фразой, обычно ожидается. Здесь каждый слишком часто чувствует себя вынужденным вступать в разговор, исходя из того, что считается требованием вежливости и хороших манер. Это имеет тен-

Различные формы социализма и капитализма являются лишь различными формами светских религий, и их последователи и организации заслуживают каких-либо дополнительных привилегий не меньше, чем какая-либо церковь или секта. Но они также имеют право на не меньшие права и свободы, чем имеющиеся у какой-либо церкви или секты в относительно свободном обществе или какой-либо атеистической, гуманистической и рационалистической ассоциации.

Можно рассматривать «денационализацию» и «реприватизацию» в узком смысле, как касающиеся только передачи конкретных государственных предприятий в частные или кооперативные руки, или можно понимать их в общем смысле, что означало бы приватизацию, кооперативизацию и волонтаризацию ВСЕЙ государственной политической, экономической и социальной системы.

Как индивидуалистический анархист, либертарианец свободного рынка, волонтарист, мютюзелист и панархист, я поддерживаю не только денационализацию и приватизацию *некоторых*, но и всех государственных предприятий и секторов.

Такая всеобъемлющая денационализация открыла бы всевозможные волонтаристские пути для всевозможных анархических, социалистических и либеральных схем и экспериментов, мирно сосуществующих на одних и тех же территориях, поддерживаемых и используемых только их сторонниками, а их неудачи порождались бы только ими, и их блага разделялись бы только между ними.

Такая система, так сказать, универсализировала бы принцип сознательного отказа от военного подчинения, налогового рабства, обязательного образования, лечения или запрещения.

Она дала бы свободу несогласным и нонконформистам не только в религиозной, но и в политической, социальной и экономической сферах.

Неверно, что наша «нация» находится под угрозой, но само существование нашей «нации» в исключительной, территориальной и принудительной форме ставит под угрозу НАС и ДРУГИХ.

То, что является совершенно добровольным, то есть без какой-либо виктимизации, редко зарабатывает врагов, и может быть защищено гораздо проще и с гораздо большим оправданием и меньшими затратами и риском.

Панархисты просят свободы для этатистов — как и для всех остальных — делать своё дело.

Только узколобые анархисты будут настаивать на том, чтобы все другие люди делали такой же выбор, какой предпочитают эти анархисты.

По праву анархисты не могут требовать ничего более анархизма для анархистов — в рамках общей волюнтаристской системы, которая оставляла бы этатистам их собственный выбор в их собственных делах.

Тогда у каждого может быть правительство или отсутствие правительства на выбор, и в этом смысле им больше не придется бояться и сражаться друг с другом.

Больше никаких принудительных «браков» с каким-либо правительством, армией, профсоюзом или школой.

Больше никаких обязательных ассоциаций.

Каждый человек должен иметь возможность отделиться от любого из них путем односторонних заявлений и присоединиться или установить любые альтернативы, которые могут ему понравиться, *всегда на свой страх и риск*.

Панархизм — это не что иное, как свобода отделяться и присоединяться — последовательно применяемая в последних сферах, где она до сих пор не реализована,

страны Америки, хотя он не был первым, и даже не ступал на Северную или Южную Америку.

Большинство этих запоздалых претензий на исключительное владение целыми странами было сделано путем игнорирования прав их тогдашних жителей, туземцев. Индивидуальные права человека этих аборигенов слишком долго игнорировались, служа свободно изобретенному национальному, монополистическому и коллективистскому территориальному суверенитету, в основном только для ассоциаций «белых» людей, которые не имеют ничего общего с подлинными правами собственности. Тем не менее, некоторым либертарианцам по-прежнему удаётся смешать эти два института и трактовать коллективистские, монополистические, централизованные и принудительные этатистские требования в этой сфере, как если бы они составляли подлинные права частной собственности.

Любые оставшиеся исключительные «территориальные» правление, юрисдикция и администрация должны быть ограничены относительно небольшими территориями частных или кооперативных домашних хозяйств, предприятий и объектов недвижимости.

Даже в этом случае большинству владельцев будет экономически выгодно не навязывать произвольные территориальные правила, а лишь некоторые здравые смыслы, касающиеся правил проживания и гостеприимства, для защиты основных прав, оставляя «чужим» посетителям и подрядчикам любые выгоды, которые они могут извлечь, оставаясь подверженными, в большинстве случаев, своим собственным и свободно избранным личным законам.

Гости и подрядчики, естественно, не будут пользоваться нетерриториальным дипломатическим иммунитетом за *агрессивные, насильственные, уголовные* преступления или даже за очень невежливое, невнимательное, грубое, оскорбительное и обидное поведение, находясь в пределах

любые ограничения, которые они добровольно навязывают себе.

Административный нигилизм для одних и административный велферизм или даже тоталитаризм для других, согласно их собственному *индивидуальному* выбору².

Больше не будет необходимости в тайном голосовании, лишь в публичной регистрации голосов каждого, что будет привязывать отдельного избирателя только к кандидатам и институтам по его выбору. Это было бы фундаментальным голосованием.

На этих выборах каждая партия одержит полную победу для себя и для всех своих последователей с их единодушным согласием.

Только требование добровольного членства и нетерриториальных конституций, законов, юрисдикций и организаций должно распространяться на всех.

Все виды собственнических или кооперативных или самоуправляемых частных сообществ по-прежнему смогут заниматься своими собственными делами на своих объектах недвижимости.

Только фиктивные претензии «национальной» собственности на целые национальные территории, целые страны или даже континенты больше не будут признаны морально обоснованными. Они не более обоснованны, чем претензия, в конце концов сделанная одним «первооткрывателем» Австралии, у которого было много предшественников, на континент для его королевского величия или претензии Христофора Колумба на все

² Панархии нужны конкретные предложения, что, в случае толерантности к тоталитарным территориям, не даст им набрать массы для захвата нетоталитарных, как это неоднократно происходило в истории. *Прим. публикатора.*

а именно в политических, экономических и социальных отношениях.

Панархия означает свободу для коммунистов и антикоммунистов жить так, как они хотят жить. Оба могут свободно следовать своим убеждениям — но только за свой счет и на свой риск, как если бы они были религиозными сектантами, живущими в условиях религиозной терпимости.

Почти все наши общественные институты в политической, экономической и социальной сферах представляют собой ритуализированные и легализованные нетерпимость и господство.

В эпоху устройств массовых убийств, поддерживаемых в состоянии готовности как часть политической программы самыми влиятельными государствами при значительной поддержке населения, настало время ритуализировать и институционализировать их прямую противоположность, а именно довольно терпимые, добровольные, не принуждающие институты, каждый из которых делает своё дело как можно лучше только для своих членов, оставляя всех остальных на произвол их собственных индивидуально выбранных действий и отношений между собой.

«... как указывает Лисандр Спунер в «No Treason», договор об отказе от прав и основных свобод одной из сторон является абсурдным и недействительным с точки зрения общего права». Kerry Wendell Thornley, “FACTSHEET 5”, 1985.

Мы должны заменить этот вид территориальных, этатистских, принудительных, коллективистских и монополистических отношений «общественного договора» между правителями и гражданами-субъектами чем-то гораздо более нравственным и полезным, если отдельные лица предпочитают альтернативы в соответствии с их индивидуальным этапом просветления.

Люди, которые видят и ценят только небольшой сегмент, например, панархическую свободу в сфере развлечений и религии и «сознательный отказ от военной службы», не видят и не ценят всей её картины и её потенциала. Напротив, наше «общество» будет иметь тенденцию ущемлять их во многих отношениях.

Более того, существуют всевозможные представления о «малости», степени автономии и типе сообщества, при этом большинство людей могут представлять только исключительные и территориальные сообщества и не могут представлять нетерриториальные.

Это происходит несмотря на то, что они проводят и получают удовольствие от большей части их личной жизни в нетерриториальном объединении с другими единомышленниками.

«Либертарианцы говорят: пусть у тех, кто верит в религию, будет религия; пусть у тех, кто верит в правительство, будет правительство; но пусть у тех, кто верит в свободу, будет свобода, в том числе свобода не принимать религию или правительство, которого они не хотят.» — Charles T. Sprading, введение в *”Liberty and the Great Libertarians”*.

«Либертарианец отдает предпочтение условию свободы для всех, однако он понимает, что свобода в силу своей природы никогда не может быть навязана силой.» — Robert LeFevre, “LEFEVRE’S JOURNAL”, Spring 1974.

Следовательно, противники анархизма должны оставаться на свободе, чтобы продолжать и наслаждаться настолько, насколько они могут, тем типом этатизма, который им нравится, пока он им нравится.

Анархисты не должны угрожать им отменой их любимого государства и правительства, а, скорее, гарантировать им его, пока они могут свободно выбирать его.

В отношении них анархисты могут справедливо защищать только революции одного человека, примером кото-

должен её покупать, читать её полностью или писать письмо или статью для каждого дня в году. Он должен *только* иметь возможность делать это в той степени, в которой ему это нравится — и может позволить себе затраты, время и труд.

Естественно, основные права могут быть использованы или не использоваться разными людьми по-разному.

Короче говоря, разнообразные панархии, которые возникнут при такой степени свободы, должны будут признавать друг друга и уважать их различия. То же самое относится и к их отдельным членам.

Предположение всегда должно быть в пользу индивидуальных прав, если только определенные права не были прямо или в определенной степени отвергнуты членами того или иного автономного и нетерриториального сообщества добровольцев.

Можно обобщить цели и средства панархистов с помощью таких утверждений, как: этатизм для этатистов, анархия для анархистов, свободная торговля для свободных торговцев, протекционизм для протекционистов, ненасилие для пацифистов, защитная сила для тех, кто видит её оправдание против инициированной агрессии, капитализм среди согласных людей и любой социализм для тех, кто желает его для себя.

Тогда либертарианская партия будет иметь возможность управлять либертарианцами, которые проголосовали за неё, лейбористская партия — над своими избирателями и членами, и либеральная партия — над своими последователями, в то время как анархисты будут свободны «править» собой или пользоваться свободой, не нарушенной какими-либо должностными лицами, если они не вмешиваются в какие-либо подлинные и, следовательно, справедливо утверждённые права и свободы других или в

Он даже осуществил бы свободу не быть свободным и вместо этого выбрать условие добровольного рабства или другого подчинения — до тех пор, пока может его терпеть.

После достаточных разочарований человек не только сможет отделиться, но и захочет отделиться от разочаровывающих, потому что слишком авторитарные, автономных и нетерриториальных сообществ.

Каждый должен продвигаться к полностью ответственному человеку только со своей скоростью — но всегда с лучшими идеями и примерами в своих глазах.

Панархия также основывается на полном признании всех индивидуальных прав — в той степени, в которой они известны, преданы гласности и поняты.

Поскольку индивидуальные права предлагают только варианты или сферы свободных действий, какими бы естественными они ни были для взрослых и просвещённых людей, они не обязывают людей использовать их в полной мере. Они могут даже временно отречься от них для себя и установить, как это сделали католики, например, цензуру между собой.

Следовательно, ВНУТРИ своего сообщества и среди своих добровольных членов, панархисты должны будут соблюдать только свой и конкретный билль о правах или другие правила, на которые они согласились.

В своих отношениях с другими им придется обращать внимание на настоящие и основные права и свободы, на которые они претендуют, а также на их конкретные законы или правила.

Все индивидуальные права, таким образом, просто описывают максимальную сферу или совокупность прав и сфер свободы действий, в которых могут свободно проводиться панархические эксперименты.

Если использовать простую аналогию: свобода прессы не означает, что каждый должен публиковать газету,

рых является индивидуальный сепаратизм, основанный на индивидуальном суверенитете и собственности на самого себя, — как только люди станут достаточно просвещёнными, чтобы хотеть претендовать на это основное право.

И даже тогда они могут быть лишь частично просвещены и будут выбирать только новые и меньшие, но всё ещё ограничивающие их свободу связи. Они должны иметь на это право. Анархисты не должны угрожать их выбору уничтожением, но, в лучшем случае, пытаться обратить их словами или своими собственными совместными и конкурирующими примерами жизни в полной свободе.

«Объединяя идеи свободы в социальных делах и свободы в экономических делах, либертарианская философия делает и другое. Она почти полностью (некоторые сказали бы, полностью) устраняет власть третьей области — политики. Она освобождает наши социальные и экономические дела от политических манипуляций, господства и контроля. Она позволяет отдельным людям контролировать свои социальные и экономические дела.»

«Эта либертарианская философия, основанная на волюнтаризме или индивидуальной свободе, может в равной степени охватывать людей, которые хотят жить как коммунисты в добровольных коммунах, и людей, которые хотят быть свободными торговцами и управлять своими собственными коммерческими предприятиями с целью получения прибыли.» — Bob Howard and John Singleton: “Rip Van Australia”, 12.

Я хотел бы добавить, для ясности и последовательного применения соответствующих принципов, что люди в любой группе не должны быть территориально объединены. Нетерриториальное объединение будет служить им так же, как оно служило церквям и сектам.

«Если бы не тот факт, что либертарианство свободно признает право людей добровольно создавать общины или правительства на одной и той же этической основе, либертарианство можно было бы назвать анархией.» — Stan Lehr and Louis Rossetto Jr., THE NEW YORK TIMES MAGAZINE, Jan. 10, 1971.

Я не вижу разницы между последовательным либертарианством и последовательным анархизмом. Их общая основа — волонтаризм, собственность на самого себя, естественные права и свободы, суверенитет личности, свободный выбор. Больше ничего, кроме суверенитета потребителей по отношению к так называемым «государственным услугам».

Почему только «отпусти МОЙ народ»? Почему бы не отпустить ВСЕХ — позволить им ИДТИ СВОИМ ПУТЁМ?

Если бы Либертарианская партия совершенно ясно высказалась за индивидуальный сепаратизм, то у меня, как у индивидуалистического анархиста, не было бы другого и столь же фундаментального возражения против этого.

Но как индивидуалист я должен противостоять даже тем *анархистам*, чей политический идеал я разделяю, всякий раз, когда они пытаются навязать или стремиться навязать свой идеал всем, кто сомневается в анархии или кто является её врагами.

Все такие попытки неизбежно приводят к саморазрушению, поскольку они вызывают негативную обратную связь, часто весьма репрессивного типа.

Когда кто-то сравнивает свои политические, экономические и социальные убеждения с убеждениями в религиозных доктринах, он начинает понимать, почему это так. С тех пор человек будет стремиться защищать свои убеждения с уважением к человеческой природе и всем её нынешним слабостям, а не против неё.

слишком глубоко вложенное во все слишком много голов, во всех его разновидностях, за исключением естественного и добровольного семейного коммунизма и коммунизма, о котором религиозные ордены договариваются для своих членов.

Иисус Христос делал не только некоторые коммунистические, но и некоторые капиталистические замечания.¹

Панархисты тоже будут делать ошибки и повторять ошибки. Но они будут делать их с решающим отличием:

Их ошибки будут совершаться только за их собственный счёт, а не как ошибки политиков, бюрократов и правящих партий, в основном за счёт других людей, даже несогласных.

Индивидуальный сепаратизм, основа панархизма, сам по себе основан на предположении, что люди сами владеют собой, а не принадлежат другим, или что они суверенны в своих собственных делах (индивидуальный суверенитет) и, таким образом, не могут быть привязаны к каким-либо целям, методам и институтам других, если они не ущемляют равные права и свободы других — которые прямо или негласно утверждаются этими другими.

Таким образом, панархизм твёрдо опирается на общеизвестный взгляд на человека как на создателя своей собственной судьбы, а не просто инструмент или экспериментальный субъект любого Бога, правителя, меньшинства или большинства его соотечественников, даже не какой-либо конкретной анархической группы или движения.

Таким образом, он действительно осуществил бы самоуправление или самоопределение — для всех, кто желает этого, в любой его форме — без навязывания.

¹ Чрезвычайно спорное утверждение. Прим. публикатора.

ную свободу, автономию меньшинства, волюнтаризм или ассоциационизм — для всех, кто хочет быть творчески активными между собой — оставаясь при этом достаточно терпимыми к справедливым действиям других групп и сообществ, занятых своими делами, в пределах своих личных прав.

Практика панархизма подразумевает индивидуальный сепаратизм и личную или нетерриториальную правовую организацию на добровольной основе, независимо от того, являются ли сепаратисты и добровольные партнёры антиэтатистами или этатистами.

Какую бы идеологию не разделяли и не хотели поддерживать и практиковать между собой сепарированные и нетерриториально реорганизованные лица, это их собственное внутреннее дело. На территории любого бывшего крупного государства окончательно созданные различные панархии, вероятно, будут представлять весь идеологический спектр. Но рыночные силы будут действовать, чтобы предотвратить некоторые довольно нереалистичные схемы, сократить число и последователей ошибочных схем и сократить продолжительность ложных Утопий. У последних, как правило, кончались бы последователи. Ну, чем раньше, тем лучше. Они также стали бы для нас лучшими торговыми партнерами, когда стали бы настолько продуктивными, насколько могут.

Тем не менее, одни и те же ошибки, вероятно, будут повторяться снова и снова разными людьми, желающими экспериментировать с теми же ложными или ошибочными идеями, как снова и снова делали этатисты, и, в особенности, коммунисты. Согласно замечанию Ульриха фон Бекерата, 1882-1969 гг., именно коммунизм является настоящим «унаследованным грехом» человечества. — Но это не унаследованная природная характеристика, а унаследованная ложная идея, просто древнее предубеждение,

Люди разные. Пусть они делают разные выборы, всё ещё далёкие от анархии, сколько хотят.

Полное избирательное право включает в себя право выйти из любой принудительной политической, экономической и социальной системы и войти в любую систему, которая соответствует его собственному индивидуальному выбору или изобретению, путём голосования, и, кроме того, иметь все другие права голоса, которые он хочет иметь — но только среди единомышленников-добровольцев.

Для противостояния партийной политике и партийным полномочиям не требуется, чтобы кто-то выступал против политической, экономической, социальной и военной политики индивидуального сепаратизма, а, наоборот, требуется такая последовательная оппозиция территориальному этатизму и последовательное выражение волюнтаризма и экстерриториальной автономии.

Большинство **территориальных правительств** «хороши» только для ведения более или менее открытых и агрессивных международных или гражданских войн и для их продолжения вопреки воле внешних и внутренних несогласных. Таким образом, они являются государствами войны.

Только полная экстерриториальная автономия для всех несогласных может установить мир, справедливость и свободу для всех.

Она скоро максимизировала бы процветание, по крайней мере, благодаря успешным экспериментальным примерам, поданным некоторыми несогласными.

И эта автономия для всех добровольцев и их союзников была бы возможной и максимизированной только на нетерриториальной основе, то есть на основе личного права.

Сепаратисты всего мира, объединяйтесь в мировую федерацию, которая работает для **нетерриториальной автономии для всех добровольцев, которые хотят её**,

для всех меньшинств, которые желают её для себя и для других меньшинств, и даже для большинства.

О панархизме для анархистов

Хотя он следует из последовательного применения часто повторяемых анархистских принципов и предложений, панархизм всё ещё остаётся, в значительной степени, неизвестным идеалом, даже среди большинства анархистов, так же, как анархизм, как последовательная демократия, все еще в значительной степени неизвестен или неправильно понят среди большинства демократов и других сторонников самоуправления или правления только по согласию.

Панархизм предлагает предложить **возможность сознательного отказа** не только от призыва на военную службу, обязательного налогообложения, профсоюзов и посещения школ и других особенно принудительных практик — но и всеобъемлющего, **против всех принудительных, исключительных, территориальных, политических, экономических и социальных систем, институтов и практик**, на основе полной автономии для сознательных отказчиков, которые готовы, чтобы иметь возможность следовать своей совести, разорвать все свои связи со старой системой, потеряв все свои гражданские права по отношению к старому объединению, от которого они отделились, отстаивая при этом все свои индивидуальные права.

Эту возможность сознательного отказа можно также охарактеризовать как свободу действий, эксперименталь-